

Дикарь

Автор:

[Надежда Волгина](#)

Дикарь

Надежда Волгина

Попала в лапы дикого зверя, держи себя в руках. Он – твой мучитель? Ненависть сжигает тебя, мечтаешь о расправе? Но если убьешь его, останешься совсем одна. Что ждет слабую девушку там, где кругом враги и единственный защитник – твой самый злейший враг? И этот враг – не обычный зверь. Для обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Глава 1

В лесу стремительно темнело и становилось заметно холоднее. Я куталась в легкую ветровку, прислушиваясь к барабанной дроби, что выстукивали мои зубы. Я потеряла счет времени. Сколько шла и куда, уже не понимала. В голове поселился туман, мешающий воспринимать реальность. В висках пульсировала мысль, как такое могло приключиться со мной?! В какой момент я потерялась и потерялась ли? Почему я иду, и ничего, ровным счетом, вокруг меня не меняется? Голос я уже сорвала до хрипа и боли в горле, звать на помощь больше не могла. Мысли о диких зверях, которые, возможно, тут водятся, я гнала подальше, как и страх. Стоит только поддаться панике, и не смогу больше сделать ни шагу. И тогда меня ждет верная смерть. Хотя, по всей видимости, она итак маячила неподалеку.

Когда стремительно заскользила вниз по чему-то мягкому и шуршащему, даже не удивилась. А стоило резкой боли прострелить ногу, как я моментально провалилась в темноту. И лучше бы тогда меня растерзали звери...

Приходила в себя я медленно и мучительно. Стоило только сознанию немного проясниться, как оно снова уползало от меня, вытесняемое неясными образами.

- Ты боишься жить... Зачем отталкиваешь Руслана? Ведь он так тебя любит...

Кажется, именно это твердила мне Ксюша, пока... Пока что? Что случилось потом? Я распахнулась и послала всех к черту. Сделала это довольно грубо. Даже на добрейшем лице Гоши мелькнуло недоумение, смешанное с осуждением. А ведь он никогда и никого не осуждал, принимал людей такими, какие они есть. За это мне так и нравился парень Ксюши - моей самой близкой подруги.

- Нат, ты куда?.. Далеко не заходи, заблудишься...

Это крикнул Гоша, когда я вскочила и пошла, куда глаза глядят. А Руслан даже не посмотрел в мою сторону, пестуя свои обиды.

Тело ломало нещадно, а в ноге пульсировала тупая боль. Я попыталась сесть и определить, где нахожусь. Но вокруг было так темно, что как не таращилась, ничего рассмотреть не могла. Пахло соломой и костром. Холодно не было, значит, я не на улице. В том, что сейчас ночь, можно было догадаться по полнейшему отсутствию звуков. Лишь деревья едва слышно шелестели листвой от легких порывов ветерка.

Я сидела на чем-то упругом, но не жестком. Свесив ноги, поняла, что ложе довольно низкое. А в следующий момент ощутила настоящий приступ паники, когда осознала, что за одну руку к чему-то привязана. Веревка была толстая и плотная. Запястье не сдавливала, но и освободиться не позволяла. Я дергала руку до тех пор, пока не почувствовала боль. Только тогда оставила попытки освободиться.

Где же я?! И почему привязана? А главное, кто это со мной сделал? Раненную ногу снова прострелила боль, когда коснулась ею пола. Невольно застонала и вернула ее на ложе. Мои стоны не привлекли ничьего внимания. По всей видимости, в помещении я находилась одна. Что-то мне подсказывало, что паниковать и звать на помощь бесполезно, а вот дополнительные неприятности на свою голову я могу навлечь таким поведением. Мне ничего не оставалось, как

снова закрыть глаза и попытаться уснуть. Тогда я еще думала, что утро вечера мудренее...

Неистовый птичий щебет коснулся слуха, и губы мои расплзлись в довольной улыбке. Как у бабушки в деревне! Только петухи не кричат и коровы не мычат. А птицы заливаются точь-в-точь и пахнет так же...

Я счастливо потянулась, но в следующий момент поморщилась от боли в ноге. Только тогда открыла глаза и поняла, что ничего мне не приснилось. Взгляд мой скользил по бревенчатым стенам и потолку, по грубо сколоченным деревянным столу и толстым круглым пенькам вместо стульев, по сложенному из камней очагу в углу с закопченным котелком над огнем, в котором что-то неистово бурлило. Сквозь щели в двери пробивался яркий свет. И, конечно же, я все так же оставалась привязанной. Веревка от моего запястья тянулась к деревянному столбу, что подпирал крышу. С надеждами на освобождение я тут же распрощалась, оценив прочность конструкции.

В комнате было довольно жарко и чисто – земляной пол был тщательно выметен. Оставалось выяснить, кто же хозяин жилища и почему он так негостеприимно со мной обошелся.

Я посмотрела на свою ногу и очень удивилась, заметив, что она обмотана чистой тряпкой. Да и боль почти исчезла. Размотав тряпку, обнаружила еще одну повязку – несколько слоев ткани, чем-то пропитанных. А под ними была жуткая рваная рана, которая тут же начала дико болеть, стоило мне приподнять повязку. Я заскулила и завертелась на ложе, совершенно перестав соображать от все накатывающей боли.

Сколько бы еще длились мои мучения, не знаю, если бы в какой-то момент меня не откинула на ложе какая-то сила, и загорелые мужские руки не вернули повязку на место, снова плотно обмотав тряпкой ногу. Лишь когда боль притупилась, я смогла рассмотреть хозяина этих рук.

Моим глазам предстал настоящий отшельник. По крайней мере, я их именно такими и представляла. Не очень высокий, широкоплечий, в длинной холщовой рубахе, из-под которой выглядывали такие же штаны. С сильно отросшими черными волосами, свисающими на плечи неровными прядями и перевязанными

лентой в районе лба. Такие же черные борода и усы... И с этим я еще могла бы смириться, если бы не злой взгляд черных глаз, что прожигал меня из-под нахмуренных бровей.

Сколько лет этому отшельнику трудно было предположить. Не так часто мне приходилось встречать усатых и бородатых, разве что в кино. Но кажется, он довольно молодой, не больше тридцати. И очень сильный. И до ужаса суровый. Сидит на краю моего вынужденного ложа и сердито рассматривает меня из-под нахмуренных бровей. Аж знобить начало от его взгляда. Таких страшных глаз мне тоже еще не доводилось встречать. Буры какие-то, а не человеческие глаза.

– Вы кто? – рискнула спросить я, как тут же заслужила очередной хлесткий взгляд, от которого невольно поежилась. – Не могли бы вы развязать меня и рассказать, как отсюда выбраться? Просто, меня ждут друзья, тут... неподалеку...

Складывалось впечатление, что он не понимает, о чем я толкую. Взгляд его не менялся, осмысления в нем я не читала. Хотя, так могло казаться, потому что глаза мужчины были непроницаемо черными. Ведьмак какой-то, снова поежилась я.

– Развяжите меня, пожалуйста, – предприняла я еще одну попытку, все еще стараясь говорить вежливо и держать себя в руках.

Но и это моя просьба осталась без ответа. Да он даже не дослушал ее – встал и направился к очагу. Спокойно, даже равнодушно, отвязал от пояса какой-то мешочек и принялся что-то сыпать в котел. По комнате моментально растекся запах чего-то пряного и довольно приятного. Как назло, сразу же проснулся аппетит, напоминая, что ела я последний раз черте когда.

– Эй!.. – позвала я, и снова ответом мне стало молчание и полное невнимание.

Может он немой? – мелькнула мысль. Только это еще хоть как-то могло оправдать подобную невежливость. Но не глухой же он! Это я поняла сразу. Тогда почему хоть как-то не отреагирует на мои просьбы? Почему все еще держит на привязи, словно зверюшку в цирке? Если он спас меня вчера в лесу (а это я тоже поняла, достаточно было вспомнить ужасную рану на ноге) и приволок сюда, то, получается, что я его гостья. Но почему-то таковой я себя не

чувствовала.

– Долго еще будете играть в молчанку?! – не выдержала и повысила голос. Спокойные речи до него явно не доходили. – Отпустите меня! Нога уже почти прошла... Меня ждут и, наверное, уже ищут...

И снова я терпеливо ждала ответа, пока не поняла, что его не будет. Разговаривать со мной не собирались. Вместо этого, мужчина взял с полки на стене кружку и налил в нее варева. С дымящейся посудиной в руке он направился в мою сторону. И снова я поежилась под его недобрый взглядом. Почудилось что-то страшное в его глазах. А может, и не почудилось. От этого мужчины исходила почти осязаемая опасность. Интуиция еще никогда раньше не кричала до такой степени дурным голосом, предупреждая меня о чем-то плохом. Вдруг стало так тоскливо, как никогда раньше. А еще нестерпимо захотелось в туалет, по всей видимости, от страха.

Когда он протянул мне кружку, и пряный запах еще явственнее коснулся обоняния, я не выдержала и затрясла головой, подметив искру удивления во взгляде мужчины. Ну хоть что-то!.. Он держал кружку у моего лица и терпеливо ждал, когда я возьму ее.

– Мне нужно... Я хочу... – сказать ему о естественной потребности было очень стыдно. Я даже почувствовала, как краснею. Облегчать задачу он мне не собирался, поэтому я и выпалила в следующий момент, крепко зажмурив глаза: – Я хочу в туалет!

Лишь уловив рядом какое-то движение, рискнула открыть глаза. Меня отвязывали от столба. Все так же, не говоря ни слова, мужчина потянул за веревку, вынуждая меня встать с ложа. Уж не хочет ли он сказать, что поведет меня в туалет на привязи?! От подобной перспективы ноги мои подкосились, но упасть на ложе я не смогла, увлекаемая к двери с нешуточной силой.

– Что вы делаете?! – заголосила я, пытаюсь упираться. – Отпустите меня сейчас же! Вы не имеете права!..

Но слова мои отскакивали от его спины, что маячила передо мной широченная и непрошибаемая. Мой стражник уже вывел меня из дома и подтащил к покосившемуся строению. Сгорая от стыда, кое-как притянув дверь и удерживая

ее рукой, я справила нужду в обычную выгребную яму.

На обратном пути заметила еще одно строение, сколоченное из досок. На сарай это слабо походило, уж больно плотно доски были подогнаны друг к другу. Невольно разыгралось любопытство, что он там прячет? К слову, дом его находился на маленьком пятачке леса, вырубленного от деревьев. Какой человек может добровольно поселиться в чаще лесной? От кого он тут прячется? А о том, что мой стражник тут живет давно, говорила обжитость этого места.

- Послушайте... - снова заговорила я. Опять возвращаться в дом и становиться пленницей, до ужаса не хотелось. Странно, но на свежем воздухе я чувствовала себя увереннее. - Я не двинусь с места, пока вы не объяснитесь!..

Веревка натянулась между нами, руку мою снова обожгла боль. Но я намеревалась стоять до последнего. Если и дальше будет тащить, то придется водворять меня в дом волоком. Слава Богу, он тоже остановился. Медленно повернулся ко мне и явно ждал продолжения, ну или когда я одумаюсь и добровольно пойду дальше.

- Объяснитесь! - потребовала я. Считала себя вправе говорить и действовать именно так. - Зачем вы меня удерживаете силой? И когда собираетесь отпустить?

Хоть я и ждала ответа, мысли мои унеслись далеко от этого места - к поляне, где остались Гоша, Ксюша и Руслан. И когда я только поумнею? Почему психую по поводу и без? Ну, навела на меня подруга критику, к слову, справедливую, как я сейчас понимала. С Русланом я, действительно, вела себя некрасиво. Не я ему делала предложение вот уже третий раз, и не он меня снова и снова просил об отсрочке, не разобравшись в собственных чувствах. Да его терпению еще можно позавидовать! Другой бы уже давно плюнул и послал меня лесом. А он все терпел и ждал. Конечно, обижался. А я ничего умнее не придумала, как обидеться на него, за то что он обиделся на меня. Да еще и критика со стороны лучшей подруги показалась мне неуместной. А ведь она была права, когда назвала меня собакой на сене...

- Когда надоешь мне...

Только тут я сообразила, что впервые услышала голос незнакомца.

– Что? – переспросила. Смысл слов упорно отказывался достигать моего сознания. В такое я просто не могла поверить.

– Я сказал, что отпущу тебя, когда надоешь мне.

Голос его был низким и хриплым. Невольно мелькнула мысль, что только такой и может быть у подобных типов. Но все это пронеслось в голове стремительно и не задержалось в ней. Осело главное, буквально пришибив меня.

– Ч-что значит, не надоем?..

Впервые в жизни я заикалась и не могла подобрать слов, а ведь риторика была самым любимым предметом на филфаке, четвертый курс которого я и закончила в этом году.

– Это значит, что ты останешься здесь на столько, на сколько я захочу.

От пережитого шока я даже не смогла сопротивляться, когда он снова потянул меня за веревку. Продолжала сохранять молчание, пока он привязывал меня к столбу. Молча тарасилась, в то время как он нарезал толстыми ломтями мясо и хлеб и складывал все это на столе. Даже когда он потянул меня за веревку к столу и заставил сесть на табурет, я не смогла вымолвить ни слова.

– Ешь, – велел он, ставя передо мной все ту же кружку с остывшим варевом и придвигая миску с мясом. – Силы тебе понадобятся.

– Для чего?

– Для меня.

Он даже не смотрел на меня – вгрызался в мясо, шумно запивая варевом и с хрустом все пережевывая. Я же даже не могла смотреть на еду, чувствуя, как меня подташнивает.

– В каком смысле? – выдавила из себя, пряча дрожащие руки под стол, стыдясь собственного страха, что накатывал волнами.

– В прямом, – пригвоздил он меня взглядом к табурету. – Я не был с женщиной много лет. Ты станешь ею.

Голова пошла кругом, и я бы упала, не пихни он меня больно в плечо и не верни в вертикальное положение. Он предлагает мне стать его самкой?! Да, такое даже в страшном сне не может присниться! Я попала в рабство? По всей видимости, спросила об этом вслух, потому что в следующее мгновение он произнес:

– Называй, как хочешь, смысл не изменится.

– Но... меня будут искать...

Губы мои задрожали, и из глаз выступили слезы. Если я и думала кого-то этим разжалобить, то тут же распрощалась с надеждами. Он спокойно посмотрел на меня и ответил:

– Здесь тебя никто не найдет. Будешь вести себя хорошо, выживешь. Иначе...

Больше он ничего не сказал, а я с ужасом осознала, что все это происходит со мной на самом деле, что он не врет, и меня тут никто не найдет.

Глава 2

– Вы не сможете удержать меня... Я сбегу!

Говорить старалась, чтобы не дрожал голос. Смотреть на него боялась – сроду не встречала таких страшных пронизывающих глаз. Казалось, что они заглядывают прямиком в душу, игнорируя то, что на поверхности.

– Куда? – в голосе собеседника послышался смех, но и он не казался мне добрым. – На много километров вокруг глухой лес. Кругом капканы и ямы для зверей. В одну ты уже попала... Там тебя ждет верная смерть. Тут же – сытая жизнь. Впрочем, выбора у тебя все равно нет.

Последняя фраза прозвучала настолько равнодушно, что холод, ползающий у меня по спине, прокрался в душу. Предчувствуя, что отныне все изменится и не в лучшую сторону, нахлынули так внезапно, что на миг я задохнулась, борясь с головокружением.

– Вставай! – через какое-то время велел он.

Невольно подчинилась, так властно прозвучал его голос. Все та же интуиция подсказала, что так будет лучше прежде всего мне.

– Ложись! – поступил новый приказ, когда оказалась возле топчана.

Меня уже трясло нешуточно, тело покрыл липкий пот. Дышать было нечем от всепоглощающего страха.

Тяжелая рука опустилась на мое плечо, заставляя сесть на ложе. Она же опрокинула на спину. Бородач поднял мои ноги и закинул на топчан. Потом быстро размотал раненную и какое-то время разглядывал ее.

– Повязка больше не нужна, рана затянулась, – вновь заговорил он, ощупывая ногу пальцами.

Боли я не чувствовала, а вот его прикосновения даже очень. От каждого касания хотелось сжаться в комок, стать как можно меньше. Я рискнула открыть глаза и посмотреть на склоненную над моей ногой голову. Ох, как же зря я это сделала! В следующее мгновение его глаза встретились с моими, придавливая взглядом.

– Боишься меня? – только и спросил он.

Я молчала, не в силах вымолвить ни слова.

– Вижу, что боишься, – кивнул он своим мыслям. – Только, привыкать придется. Видеть меня тебе долго...

Мои глаза снова наполнились слезами, до такой степени стало жалко себя.

– Отпустите меня! – взмолилась, вкладывая в эти два слова всю надежду, что теплилась внутри.

Ну не совсем же он дикий! Должен понимать, что удерживать человека силой противозаконно, что меня обязательно будут искать и найдут рано или поздно.

Я молчала, затаив дыхание. Он же рассматривал меня, лениво скользя взглядом по моему телу, словно оценивая, решая, как поступить дальше.

– Закрой глаза! – снова велел он, возвращаясь к моему лицу.

Невольно подчинилась, не желая вязнуть в черных омутах. В следующее же мгновение показалось, что меня накрыли чем-то холодным и тяжелым, придавливая к тюфяку. Я перестала чувствовать собственное тело, а в комнате зазвучал голос, показавшийся мне замогильным. Непонятные слова лились безостановочным потоком. Казалось, что каждое из них ложится на меня, придавливая еще сильнее. Воздуха в груди уже почти не осталось, его весь вытеснила тяжесть. С каждым выдохом, вдыхать становилось все труднее.

В голове моей тоже творилось что-то странное, словно кто-то в ней наводил порядок, сортируя мысли, что оставить, а что отнести на помойку. Я прекрасно осознавала, как что-то важное для меня безжалостно выметается, а другая мысль, которая и не так уж важна, аккуратно складывается на полку. Варварское вторжение в мысли казалось убийственно кошунственным, но еще сильнее раздражала беспомощность что-либо предпринять.

А монотонный напев все лился... Возмущение мое трансформировалось в какое-то вялое, поверхностное. Теперь я уже думала, что тот, кто проделывает со мной все это, отчасти имеет на это право, что раз сила на его стороне, то в сопротивлении ей нет смысла. Воздуха в груди почти не осталось. Я слышала биение собственного сердца где-то в ушах, как постепенно замедляется его ритм... Тело стало казаться невесомым. Еще чуть-чуть, и я воспарю, как перо, стану плавно покачиваться в воздухе, пока меня кто-то не сдует, не развеет по ветру.

Никогда еще не испытывала настолько полную легкость, как в тот момент, когда меня коснулись чьи-то руки. Они прошли вдоль всего тела ласкательным движением. То холодное и тяжелое, что придавливало меня еще мгновение

назад, растаяло под горячими ладонями, освобождая меня, возвращая в реальность. Воздух наполнил внутренности, и в первый момент я закашлялась от его переизбытка. На грудь легла рука, и кашель моментально прекратился.

- Открой глаза!

Я подчинилась и снова увидела его. Он не показался мне менее страшным и диким. Все так же хотелось отвести взгляд. Но что-то ушло из меня, и я это отчетливо понимала. Что-то очень важное осталось за пределами моего сознания. До боли хотелось протянуть руку и схватить это что-то, пока еще не поздно, пока оно окончательно не испарилось, пока я не стала другим человеком. Но сил пошевелиться не было, хоть физически я и чувствовала себя отлично.

- Что случилось? - только и смогла прошептать я.

- Кто ты? - последовал вопрос, оставляя мой без ответа. - Как тебя зовут?

- Наталья, Ната... - покорно ответила я, смакуя на устах собственное имя. Мне оно в тот момент показалось красивым и необычным, особенно его уменьшительная составляющая.

- Где ты?

- У тебя...

А где же еще я могу быть? Я оглянулась, окидывая новым взглядом комнату, понимая, что все здесь чужое для меня, но, в то же время, это теперь мой дом или пристанище.

- Кто я?

- Ты мой хозяин.

Хозяин?! Я вздрогнула от страха и посмотрела на мужчину. А ведь он, действительно, мой хозяин. Я принадлежу ему всецело - душой и телом. И так будет, пока... пока этого будет хотеть он. Какая-то мысль мелькнула в голове,

как отголоски чего-то важного и забытого, но я даже не успела сообразить, как она бесследно испарилась.

- Как тебя зовут? – губы сами задали вопрос.

- Называй меня хозяин. Имя мое тебе ни к чему...

Какое-то время ничего не менялось. Я лежала на топчане, а он рассматривал меня, внимательно изучая каждую черточку лица. Но уже через мгновение резко встал со словами:

- Вот и ладно...

Что ладно, я так и не поняла, лишь тихо порадовалась, когда он отошел от ложа на несколько шагов.

- Пойду растоплю баню. Надо отмыть тебя от звериного запаха.

Все так же молча я наблюдала как он скрылся за дверью, которую раньше я не заметила. Это была не та дверь, через которую он вывел меня на двор. В голове шевельнулось вялое любопытство, куда она ведет, но сразу же его заглушила мысль: «А не все ли мне равно?»

Звериного запаха? Я четко осознавала, что оказалась тут совсем недавно, но как не напрягала память, не могла вспомнить, что делала до этого. Понимала, что подобное состояние мозга даже с натяжкой не назовешь естественным, что новый хозяин подчинил меня своей воле, заставив забыть прежнюю жизнь. Злость на самоуправство поднималась внутри, но излиться ей не было суждено. Все по той же причине паралича моей собственной воли я сохраняла видимое спокойствие, пытаюсь соображать, но ничего путного из этого не получалось.

Не примеченная ранее дверь распахнулась, впуская в комнату клубы пара и пряные запахи.

- Иди сюда, – донеслась до меня новая команда.

Подчиняться сразу не собиралась. Понимала, что придется это сделать, что выбора у меня тем. Догадывалась, что стоит только ему активировать волю, как я превращусь в послушную марионетку, но тянула время. Намеренно, мучительно, но тянула. Смотрела, как рассеивается вокруг него пар, как темнеют от гнева и без того черные глаза. От напряжения на моих глазах выступили слезы, но еще несколько бесконечных минут я сохраняла неподвижность.

Игра в молчанку закончилась закономерно – он приблизился к ложу и просто-напросто сдернул меня с него. Не церемонясь и дальше потащил меня к двери, ведущей в баню. Уже в следующее мгновение я оказалась в жарко натопленном помещении, растирая запястье, которое он только что выпустил.

– Раздевайся.

Волна стыда захлестнула меня, когда поняла, что покидать парилку он не собирается, что мне придется заголиться прямо при нем, испить чашу позора до конца. Но и медлить на этот раз не рискнула, догадываясь, к чему это приведет. С пылающими от позора щеками я дрожащими пальцами расстегивала непослушные пуговицы на кофте, стягивала штаны и избавлялась от футболки. Когда осталась перед ним в одном нижнем белье, уже не могла смотреть никуда, кроме бревенчатого пола под ногами.

– Снимай все!

– Прошу вас!..

Я рискнула посмотреть на него, чувствуя как дрожат колени, как неудержимо просятся слезы на глаза. Из последних сил сдерживала их, кусая губы. Во рту моментально появился металлический привкус крови. Неужели он не понимает, насколько в унижительном положении я сейчас нахожусь?! Как он может так спокойно стоять рядом и смотреть на мои мучения. Мне даже показалось, что в глазах его мелькнула насмешка, но скорее всего это явилось проделками воспаленного сознания – взгляд его по-прежнему ничего не выражал, кроме равнодушия с примесью ожидания.

Он не уйдет, не оставит меня одну. Когда поняла это отчетливо, разглядывая его неподвижную фигуру, молча сняла бюстгальтер и трусики. Упорствовать и

дальше не видела смысла. Крайнее унижение завладело моим телом. С трудом сохраняла вертикальное положение, когда он приблизился и обошел меня кругом, внимательно рассматривая каждый сантиметр моего тела. Чуть не повалилась на пол, когда он протянул руку и обхватил мою грудь, словно взвешивая ее, оценивая на объем и упругость. Почти ничего не почувствовала от дикого унижения, когда рука его скользнула вниз, прошла по животу и остановилась в зоне бикини.

Слава богу больше он ничего не предпринял, иначе я бы рухнула в обморок. Убрав руку, он повернул меня спиной к себе и подтолкнул к лавке.

– Ложись, буду парить тебя, – получила я очередную команду.

Через полчаса я буквально выползала из бани, распаренная так, как никогда в жизни. Следом шел мой хозяин, удерживая в руках ворох с моей одеждой. Открыв дверь, ведущую во двор, он небрежно стряхнул за порог мои вещи.

– Что ты собираешься с ними делать?! – возмутилась я, напрочь забыв, что нахожусь перед ним в чем мать родила.

– Сжечь.

– А это зачем?!

– Затем, что вещи эти тебе ни к чему.

– В чем же я буду ходить?

– В том же, в чем и я.

С этими словами он протянул мне длинную рубаху, точь-в-точь такую же, в какой был сам, по всей видимости, свою же, запасную. Я моментально натянула ее на себя, лишь бы прикрыть постыдную наготу, которую вновь осознала. Рубаха доходила мне почти до пят и болталась на мне, как огромный холщовый мешок.

Когда мой новый хозяин коснулся веревки, я чуть не взвыла, ожидая, что он снова привяжет меня к столбу. Но он лишь полоснул по ней ножом, отхватывая

приличный кусок, и протянул мне.

- Пояс...

Перетянув мешок в талии, я не почувствовала себя более привлекательной. Хотя, для кого мне тут такой быть? Есть ли разница, как буду выглядеть, будучи пленницей какого-то варвара и самодура?

С приоткрытой двери потянуло прохладой, и я спохватилась:

- Оставь хотя бы кофту! - взмолилась. - Ее мне связала мама. Да и сентябрь на улице.

Я точно знала, что теплая шерстяная кофта - мамин подарок, но как ни старалась, вспомнить родителей не могла. Догадалась, что эта информация была частью той, что он стер из моей памяти. На глаза снова навернулись слезы, а сердце сжала тоска от беспросветности, что ожидала меня впереди.

Как ни странно, настаивать на своем он не стал. Молча открыл дверь, поднял с земли кофту и кинул мне. Должно быть, что-то человеческое в нем еще теплится, пусть и ничтожная часть. Возможно, у меня получится разжалобить его, и он отпустит меня по добру по здорову. Впрочем, идти мне все равно было некуда, поскольку как бы я не напрягала память, ничего вспомнить не получалось. В голове мелькали какие-то смутные образы, крутились обрывки фраз, но все это не складывалось хоть в более-менее отчетливую картинку. Сплошной сумбур.

- Назови мне свое имя.

Просьба сорвалась с губ, удержать ее я не успела. Сама не понимала, почему так важно для меня его имя. Наверное, потому что называть его хозяином я просто не могла, язык не поворачивался. Пусть это и было так, но не все в жизни можно называть своими именами. От его ответа сейчас зависело многое, в частности то, смогу ли я и дальше чувствовать себя человеком или превращусь в домашнее животное.

Он молчал, размышлял. Думал долго, бесконечно. Я терпеливо ждала, постепенно все более отчаиваясь. Наконец, он заговорил.

– Если для тебя это так важно, то можешь звать меня Андрей, – сухо произнес он и тут же вышел за дверь, словно сбежал от чего-то.

С его исчезновением я почувствовала облегчение, но длилось это считанные минуты. Очень скоро Андрей вернулся и протянул мне что-то. Этим что-то оказались толстые штаны.

– Надевай, чтоб не заболеть. Мне ты нужна здоровая, – произнес он и кивнул куда-то под топчан: – Не забудь обуться, земля уже холодная.

Только тут сообразила, что стою босая на земляном полу. Тот час же ощутила, какой он ледяной. Да уж, не месяц май, – горько усмехнулась. Эта поговорка тоже пришла из прошлой жизни.

Мне разрешили оставить собственные кроссовки, чему я несказанно обрадовалась, как кусочку из прошлой жизни. Только они и мамин подарок у меня и остались, больше ничего. И зачем ему только понадобилось превращать меня в пугало огородное? Так думала я, оглядывая свой нелепый наряд, когда Андрей снова покинул дом. На этот раз он не вернулся. Как ни прислушивалась, не могла уловить ни звука со двора. Собрав волю в кулак, рискнула приоткрыть дверь. В следующее мгновение отшатнулась. За дверью меня встретила непроглядная тьма. Хоть глаз коли, ничего не видно. И когда только успело стемнеть? Ведь еще совсем недавно я могла разглядеть часть двора, когда Андрей открывал дверь. Или это я так долго была погружена в себя?

Что же мне теперь делать, и куда он ушел? Только тут я сообразила, что меня не привязали. Совершенно спокойно я могла передвигаться по комнате и не только. Снова рискнула открыть дверь. Посмотрела на небо и не разглядела ни луны, ни звезд. В таком мраке я рискую расстаться с жизнью на первых же шагах по лесу. Поняв, что мысли о побеге придется отложить на светлое время суток, я затушила свечи, весело потрескивающие на столе, и, не раздеваясь, завалилась на топчан. После пережитого потрясения и процедуры очищения души и тела сон сморил меня моментально.

Глава 3

Проснулась я с первыми лучами солнца, что пробились через щели грубо сколоченной двери и ласкали земляной пол, освещая внутренности домика. Какое-то время лежала на топчане и прислушивалась к окружающим звукам, пытаюсь определить, где может находиться человек, общество которого я теперь буду вынуждена делить. Интересно, провел ли он ночь здесь, со мной в одной комнате? Если да, то где он спал? Ничего, кроме моего собственного топчана, хоть отдаленно напоминающего ложе, я больше не заметила. Да и не могла я так крепко спать, чтобы ничего не слышать. Или могла? Тут я себе не доверяла, потому что ощущала себя еще более странно, чем накануне. Вроде бы это все та же я, какой была двадцать два года. С другой стороны, как ни старалась, не могла вспомнить ночи до этой. Насколько крепкий у меня сон, что мне обычно снится, и часто ли я вижу сны?.. Все скрывала плотная пелена, и это здорово раздражало.

Утро выдалось холодным. Это я сразу поняла, выбравшись из-под толстого одеяла. До ужаса захотелось горячего чая, и первым делом я разожгла огонь в очаге и повесила над ним котелок с водой. Попутно размышляла, откуда все это знаю и умею делать. Похоже, я заядлая туристка, другого объяснения не находила.

Исследовав полки в доме, не нашла ничего похожего на заварку. Зато сушеных трав тут было в изобилии. Их я и заварила кипятком, выбирая по запаху, те что приятно будоражили обоняние.

Травяной аромат пробудил аппетит, и я без зазрения совести отведала мяса, которым меня вчера кормил Андрей. Его еще полно оставалось в огромной миске на столе, накрытой куском материи. Голодная смерть мне точно не грозила. Да и задерживаться я тут не планировала. Эта мысль посетила меня, когда дожевывала последний кусок. И чего это я тут расселась? Трапезничаю, как будто только к этому и стремилась всю жизнь. Снова прислушалась к тишине вокруг. Если Андрей и находится где-то поблизости, то, наверное, крепко спит. А это значит, что нужно тикать отсюда.

Допив последний глоток вкуснящего чая собственного приготовления, я застегнула доверху кофту, перевязала ее веревкой, чтобы было еще теплее, и решительно распахнула дверь. В первый момент замерла на пороге,

разглядывая темнеющий лес, который начинался сразу за огороженной невысоким забором территорией. Сплошные сосны и так густо растут! Страх подкрался незаметно и принялся «лизать» ноги. Но я решительно прогнала его, понимая, что медлить нельзя, что вот-вот может появиться мой тюремщик, и с мыслями о побеге я могу распрощаться.

Не глядя по сторонам, я решительно зашагала к калитке. Никаких затворов на ней не было, просто плотно прикрыта. Толкнув ее, я застыла на месте от пронзительного скрипа. Не шевелилась какое-то время и даже дышала через раз, боясь расслышать за спиной шаги. Но все было тихо. И тогда я побежала...

Всегда считала, что разочарование – это что-то типа неоправданных надежд, когда чего-то сильно хочется, а получить этого ты не можешь. И тогда наступает разочарование, с которым, в общем-то, легко бороться. Налетев на невидимую стену, что откинула меня на метр назад, в первый момент я ничего не могла понять. Передо мной не было ровным счетом ничего. Даже первые сосны находились в десятке шагов впереди. Так на что же я напоролась? Я потерла лоб, ощущая тупую боль, словно только что врезалась им во что-то. Даже потрясла головой, пытаюсь прогнать морок и прояснить зрение. Но ничего не изменилось – впереди все так же была пустота, а я сидела на земле, думая, что тихо схожу с ума.

Встала и сделала шаг вперед, вытянув для страховки руку. В следующий момент глаза мои полезли на лоб, когда нащупала невидимую стену. Мои пальцы просто ткнулись в нее и не могли продвинуться дальше. Я припечатала к «стене» ладонь, не ощущая ни тепла, ни холода, лишь все ту же твердь. Принялась двигаться по периметру. Ощупывая «стену» руками и долбясь в нее ногами.

К тому моменту, когда вернулась на исходное место, у меня уже всю текло из глаз и из носа. Я громко подвывала и смачно шмыгала, ни грамма не заботясь о том, что меня могут услышать. Вот тогда я поняла, что разочарование – это глубочайшая обида вкупе со злостью, это крушение всех надежд. В тот момент мне было так плохо, что не хотелось жить. Возможно, в лесу меня ждала верная смерть, но я об этом не думала, мечтая о побеге. Мне было очень важно оказаться как можно дальше от этого проклятого места, где меня удерживают силой. И именно этого я не могла сделать.

Я рыдала так отчаянно и долго, что в какой-то момент горло перехватил спазм и я чуть не задохнулась. Слезы высохли моментально, пока каталась по земле и

хватала ртом воздух. Живот скрутила судорога и какое-то время я лежала, скрючившись и боясь пошевелиться, пока мышцы не расслабились. А потом я услышала его – жуткий пронзительный рев. И не из одной пасти. Он доносился сразу со всех сторон, нарастая, приближаясь. От ужаса у меня зашевелились волосы на голове. Мгновенно вскочила и попятилась к забору. Это же какое животное может издавать такие звуки?! А еще через секунду я их увидела. Огромные неуклюжие бурые гиганты выходили из лесной чащи и стремительно приближались ко мне, переходя с шага на бег, перебирая мощными косялапыми конечностями, не переставая рычать и скалить слюнявые пасти. Их глаза были устремлены на меня и горели голодной злобой. В неконтролируемом паническом страхе я зажмурилась и приготовилась к смерти. Тело сжалось, ожидая нападения, предвидя, как острые словно лезвия, когти вонзаются в податливую плоть и разрывают ее на куски.

Я готовилась к мучительной, но быстрой смерти, однако ничего не произошло. Все так же оглушенная ревом я какое-то время стояла с закрытыми глазами, пока не осознала, что ничего больше не происходит. Тогда я рискнула взглянуть на то, что показалось мне еще более нереальным. Медведи бились в невидимую стену, царапая ее когтями, вгрызаясь клыками. Их рев гудел у меня в голове, лишая остатков разума. Сколько все это длилось не представляла, находясь словно под гипнозом, глядя в прожигающие злостью глаза. Очнулась, лишь когда последний из этих гигантов скрылся в лесу, оставив после себя терпкий звериный запах.

Что только что произошло? Я продолжала стоять и вглядываться в темнеющий лес, который моментально превратился в пугающий, загадочный, но спокойный, когда затихло в нем рычание. Чувствовала, как по телу разливается слабость, как реакция на пережитый стресс, а зубы все сильнее выколачивают барабанную дробь, рискуя раскрошиться в порошок. В какой-то момент я едва не повалилась на землю, когда ноги принялись вибрировать в коленках. Из последних сил заставила себя добраться до дома и опустилась на топчан. Я смотрела на противоположную стену, стараясь ни о чем не думать. Ни о медведях, ни об Андрее, ни о невидимой стене... ни о чем. Постепенно я перестала трястись, только тогда позволила себе принять горизонтальное положение. Стоило только прикрыть глаза, как я провалилась в глубокий сон.

– Ната, будь осторожной, не делай глупостей. Прежде чем что-то предпринять, хорошенько подумай...

Эти слова звучали в моей голове в момент пробуждения. Фраза все повторялась и повторялась, пока я не проснулась окончательно. Мама? Ну конечно! Этот голос мне с детства знаком. Так всегда говорила мне мама, зная мой импульсивный характер. Только лица ее я не могла вспомнить, как ни пыталась. Да и ничего больше не помнила, кроме того, что она есть где-то, жива и здорова и ждет меня. Что же ты сделал со мной, изверг? Зачем украл мою жизнь?

Сколько проспала, не знала, но вокруг царила все та же тишина, нарушаемая лишь отдаленными звуками леса. Я вспомнила все, что произошло со мной недавно. Больше мне не хотелось сбежать. Внутри поселилось какое-то оупение. Андрей все не возвращался, и я могла этому только тихо радоваться. Мне требовалось время, чтобы решить, как буду жить дальше.

Но и без дела я находиться не могла. Нужно чем-то занять себя, чтобы прогнать тоску. А иначе это грозит перерасти в настоящую депрессию. И нет ничего лучше тяжелого физического труда, как лекарства от хандры.

До самого вечера я занималась уборкой. В небольшой комнате вылизала каждый сантиметр. Натерла до блеска все банки и склянки, расставила их красиво на полках. Вымела пол с такой тщательностью, что даже самый придирчивый взгляд не нашел бы на нем ни соринки. Вытряхнула и перестелила постель. Из пучков трав, висящих повсюду, соорудила что-то типа икебан и разместила их по углам. Устала до такой степени, что огонь уже разжигала с трудом, а котелок с водой еле подняла, чтобы повесить над огнем. Когда вода закипела, я оттащила котелок в смежную с комнатой баню и выкупалась как следует.

В одном из деревянных ящичков я обнаружила швейные принадлежности. Остаток вечера убила на то, чтобы привести свой наряд в более или менее приличный вид. Шить я умела. Это я поняла сразу, стоило только вдеть нитку в иголку. Я устроила штаны по себе, а из бесформенной сорочки смастерила халат, прорезав петли и пришив пуговицы, что нашла в той же коробке. Теперь он мне был по фигуре, а не болтался мешком. От этого появилось хоть и легкое, но чувство уверенности в себе. Из остатков ткани я сшила себе ночную сорочку.

Портняжить закончила уже глубокой ночью. От тусклого света глаза болели и слипались. Андрей так и не вернулся, но я этому по-прежнему была рада. Даже мелькнула шальная мысль, что его задрали звери в лесу. Ну что ж, и это должно

быть к лучшему. О том, как буду жить тут одна, я старалась не думать. С мыслями о побеге я распрощалась еще днем, когда вынося воду, вновь попыталась проникнуть за невидимую стену. Я обязана была предпринять вторую попытку, даже невзирая на страх перед медведями. Лишь когда и она увенчалась неудачей, я немного успокоилась.

Ни на следующий день, ни еще через два дня ничего не изменилось. Андрей по-прежнему не появлялся, и я была предоставлена сама себе. Дни проходили одинаково уныло. Большую часть времени я сидела на пороге дома, греясь в лучах яркого, но уже холодного солнца и думая о своей невеселой жизни.

В сарае, что заметила в самый первый день, и который показался мне зловещим, я обнаружила целый склад припасов. Чего там только не было. И вяленое мясо, свисавшее с потолка целыми тушами, и корни какого-то растения или дерева (по вкусу они напоминали картофель, как выяснила, когда сварила из них похлебку), и мешки сушеных ягод: земляника, смородина, голубика, брусника, черника... Это только те, названия которых я знала. А были еще и не известные мне, но оказавшиеся приятными на вкус. Да тут жил настоящий лакомка! – поняла я, когда обнаружила несколько бочонков меда. В общем, голодная смерть мне не грозила. Съестных припасов хватит года на три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volgina_nadezhda/dikar

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)